

Юрий ПАНКРАТОВ

«А ВЕЧНОСТЬ НИСХОДИТ К ЛЮДЯМ...»

* * *

Зима была такой молоденькой,
Такой весёлой и бедовой!
Она казалась мне молочницей
С эмалированным бидоном.
Но чистота её молочная
На брызги белые разлетелась.
Зачем ты на меня, морозного,
Глазами синими загляделась?
К чему, румяная молочница,
зачем, зелёное растение,
мне голову ты заморочила,
задумчивая и растерянная?
Ну, для чего ты мне поверила?
Не удержалась, приласкала!..
Всё, что несла, всё, что лелеяла,
Разбрызгала и расплескала.

Память

Взошла моя песня в седой тишине,
среди азиатских степей,
где всадник плывет на далёком коне
и машет рукою приветливой мне
из юности ранней моей.
Мне сладко и вольно скакать по степи,
кружащейся что карусель...
А даль – обнимает, а солнце – слепит,
и длинно кричит коростель.
Бегу я сквозь время в зелёный рассвет
за розовой гривой коня.

Но конь улетает за солнцем вослед,
сердитой уздечкой звеня.
Теряется всадник в свирепой траве,
в далёком, как сон, далеке...
И беркут сидит у него на руке,
на ватном глухом рукаве.
Там брюхом, покрашенным в серой золе,
на склоне горбатой горы,
степная лисица прижалась к земле
у влажной мышинной норы.
Уходит охотник с рассветным конём
в края, где цветет молочай,
и красным огнем полыхает на нём
шакалий его малахай...
Мне хочется снова в соцветья степей,
на берег забытой реки,
где память, как беркут, взорлила с моей
ещё не окрепшей руки!

Здравствуй, Азия!

В ноздри –
запах акации южной...
Самолётом
случилась оказия,
я вернулся
в недавнюю юность.
Здравствуй,
Азия!

Полубил я
резьбу твоих гор,
с рюкзаком
над ущельями лазая.
Не забыл я тебя до сих пор.
Здравствуй,
Азия!

В тех местах,
где верблюд был ведом
сквозь песчаное однообразие, –
современный аэродром.
Это
Азия!

Чёрных глаз
молодой виноград,
солнца
яркое крупноглазие,
опалившее
ветренный сад,
это

Азия.
Пыль степная,
коварство фаланг,
саксаульных стволов
безобразие,
Куполов темно-синий
фаянс,

Лишь бы тихо под сводом зари
опьяняя седые дубравы,
колыхались весенние травы
возле самого сердца Земли...

Осень

Небо стало очень
синим. С длинным криком
проплывала осень
журавлиным клином.

Целовались губы
с белым караваем.
Пролетали гуси
серым караваном.

Опускались вечером
на резные крыльца,
распускали веером
голубые крылья.

Разводили перьями
в стороны с разбега.
Улетали первыми
в сторону рассвета.

А под синей радугой
в лепете метели
над забытой Ладогой
лебеди летели.

Проплывали стаями,
становились снегом,
расплываясь, таяли
и сливались с небом.

* * *

Всей своей громадой многоликой
дремлет в разорении она –
страшная судьбой мечты великой,
страстная и странная страна.

Улетают звёздные сцепленья
за моря, леса и скользкий луг,
словно неслучайные скопленья
журавлей, стремящихся на юг.

Мы внутри немереной орбиты,
меж галактик звёздного пути
и пустынь, что вечностью обриту...
Только дух не смертен во плоти.

Всё уйдёт – и доброе, и злое,
есть конец тщете и красоте.
Разве что останется святое
слово, словно солнце в высоте.

Долго ль станет чуда ждать Россия?
По каким пророчествам сочту
день, когда сойдёт с небес мессия,
чтоб вернуть ей веру и мечту...

Поэту

Не сдавайся пустой новизне,
пёстрой краске, случайному цвету.
Не старайся звенеть по весне –
не останется голоса к лету.
Над землёй вознестись не спеши.
Труд поэта как глыба урана –
всем дыханьем, всем сердцем души
погрузись в глубину океана.
Надвигайся, расти, как гроза,
как янтарь многолетнего рома,
чтоб однажды ударить в глаза
вспышкой света и звуками грома!

